

Шедяков В.Е.,*д.с.н., к.э.н., доцент,**профессор кафедры социологии и гуманитарных дисциплин,
Государственный университет телекоммуникаций*

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Формирование предпосылок интеллектуализации труда и развития сектора духовного производства рассматривается как атрибут усиления в глобальном масштабе тенденций к созданию анклавов общества знаний. На этом фоне изучаются трансформации отчуждения труда. В качестве важнейшего фактора комплексных изменений производственных отношений анализируются постсовременный уровень производственной демократии, распространение социально ответственного поведения.

Ключевые слова: производственные отношения, отчуждение труда, интеллектуализация деятельности, постсовременная производственная демократия, социально ответственное поведение, стимулирование труда.

Постановка проблемы. Отчужденный труд – деятельностная сущность человека в деструктивных условиях, позволяющая на определенном уровне решать задачи вхождения и адаптации человека конкретным социокультурным условиям, участия в усовершенствовании им окружающего мира. В природной среде и традиционной культуре нет социокультурных оснований для проблемы отчуждения; индивид не чувствует своей отчужденности. Однако они стремительно нарастают в процессе модерной индустриализации и усиления в обществе социально-экономических надличностных сил и неприятных человеку процессов. В процессе социализации/аккультурации человек не только обретает свои сущностные силы, но и утрачивает их; осуществляется как очеловечивание, так и расчеловечивание жизнедеятельности.

Анализ исследований и публикаций. На сегодня существует устойчивая номенклатурно-терминологическая традиция размышления относительно природы свободы и несвободы человека, их разнообразных последствий. Роль качества процессов очеловечивания-опредмечивания в общественной (в частности, экономической, идеологической, религиозной и т.д.) жизни и место человеческой личности в социальной структуре сказывались на протяжении всей истории (что фиксировалось, например, и в понятии «андропагора» – живая собственность у Аристотеля). Вместе с тем, в своем трактате «Дао дэ цзин» Лао-цзы размышляет о пространстве духовного свершения, где все отдается, но никто ничего не присваивает, где никто ничем не владеет – и ничего не теряется для всех. Духовное творчество рассматривается как неотъемлемая черта напряженной личностной жизни, реализации своих сущностных свойств.

Трудовое начало общественной жизни изучалось с позиций как стоимостно-праксеологической, так и ценностно-аксиологической. Для исследования совокупного труда научный инструментариум предоставляют концепции репрезентации и отражения, деятельностный и ценностный подходы (одним из уровней реализации которых выступает теория отчуждения), чья специфика заложена, в частности, В. Петти, А. Смитом,

Д. Риккардо, К. Марксом, а также Ф. Бастиа, П. Струве, Г. Торренсом и др. Мотив отчуждения занимал существенное место в работах Г. В. Ф. Гегеля, Э. Дюркгейма, Г. Маркузе, Ж. Ж. Руссо, Л. Фейербаха, Э. Фромма. Хрестоматийными стали работы по интерпретаций марксовских взглядов на проблему соотношения отчуждения и свободы в исследованиях А. Агга, В. Адоратского, В. Асмуса, Г. Багатурии, И. Бычко, Л. Борисовой, С. Выготского, Ю. Давыдова, Э. Ильенкова, С. Каверина, И. Кального, П. Копнина, Н. Лапина, Л. Маньковского, С. Морозова, И. Нарского, Л. Науменко, М. Нечкиной, Т. Ойзермана, К. Разлогова, Д. Розенберга, М. Розенталя, В. Сагатовского, С. Сергеевой, Е. Ситникова, Ю. Согомонова, В. Степина, В. Терина, В. Чиркова, А. Юдкина, а также научные исследования путей преодоления отчуждения на фоне постсовременных социальных трансформаций (А. Бузгалин, В. Вазюлин, И. Витань, А. Гусейнов, И. Джохадзе, А. Кива, А. Колганов Я. Кузьминов, В. Межуев, Э. Набиуллина, С. Платонов, В. Радаев, К. Рихтаржик, Т. Субботина, В. Толстых и др.).

Выделение не решенных ранее частей общей проблемы. Процессы, затрагивающие как положение человека в обществе, так и осознание им своего состояния, имеют сложный, многоуровневый характер. С одной стороны, ныне созданы обширные предпосылки для снятия некоторых классических вариантов отчуждения. С другой, – усиливаются попытки как манипулирования, так и всесторонней эксплуатации, которая отнюдь не исчерпывается стандартными мускульными или же психическими усилиями, а распространяется и на духовный мир, и на интеллектуальную составляющую, и на ценностно-смысловые основы, и на творческий потенциал. И сегодня продолжают изощренные попытки превращения человека в «экономическое животное», отграничивающие его производительную и потребительскую ипостаси с целью извратить, гипертрофировать и паразитировать на каждой из них. Нарастает и противоречие между глобальной олигархией и народами; привилегированные анклавы сосредоточения жизнедеятельности «избранных» потребляют такое количество ресурсов и создают такое количество отходов, что эти условия заведомо даже близко не могут быть распространены на всех.

Итак, **цель статьи** – изучение трансформаций трудового аспекта отчуждения в контексте усиления влияния глобальных трансформационных процессов (в частности, распространение постсовременных форм и процедур производственной демократии) в условиях нынешней Украины.

Изложение основного материала. Сегодня отчуждение как специфическая форма социализации человека и само трансформируется в соответствии с общественными изменениями и стратегиями, которые часто приобретают надгосударственный характер и испытывают существенное влияние со стороны особенностей последнего времени. Так, ныне активно нарастают кардинальные общественные перемены. Поскольку эта тенденция действует в глобальном масштабе, то можно либо пытаться ее игнорировать и оказываться вовлеченным в

процессы невольно, утрачивая качество субъектности и превращаясь в объект внешнего воздействия, либо использовать зарождающиеся и усиливающиеся динамики [1-6]. Действуя комплексно, они порой характеризуются в качестве возникновение постсовременного общества с наиболее значимыми компонентами в виде постмодерной культуры и постиндустриальной экономики. Кардинально возрастает роль освоения прошлого для достижения качества труда живого. Изменяется степень ресурсообеспеченности и энерговооруженности, удельный вес материально-технической базы производства. Причем даже положительные трансформации: 1) осуществляются именно в глобальном масштабе, но необязательно становятся безусловным повсеместным фактом; 2) являются тенденцией, а не автоматической трансформацией; 3) растянуты во времени и содержат внутренние противоречия.

Под влиянием совокупности технико-технологических и социально-экономических факторов кардинально трансформируются и производственные отношения. Причем, с одной стороны, трудовая сфера теряет свою исключительность в жизни человека и общества, с другой, – тем активнее становится диффузия практик и норм. Долгое время именно производственные процессы составляли наиболее прочную основу комплекса отношений отчуждения, а трудовая сфера была наиболее изученным полем их генезиса и проявления. Причем если модерн ознаменовался переходом от внеэкономического принуждения к экономической заинтересованности, то теперь усиливается многосторонний и разноразмерный характер влияния общественного мироустройства на человека. После волн механизации, автоматизации и роботизации за человеком остается то, что не подпадает под этот процесс и сконцентрировано вокруг творческого развертывания его сущностных сил; основной источник стоимости ныне – творческий, прежде всего интеллектуальный, потенциал, а вовсе не психофизические усилия работника; приоритет стратегий развития – производство и эффективное применение знаний; существенно демократизируются системообразующие отношения общества (труда, собственности, управления). Вместе с тем усиливается заинтересованность во всесторонней эксплуатации творческой одаренности человека [7-10]. Соответственно, с одной стороны, усиливается влияние предпосылок интеллектуализации деятельности, что требует адекватного развития моральной составляющей прогресса, гуманизации общественной жизни. С другой же, – глобальный характер перемен препятствует попыткам ухода от решения производных проблем. Причем резкое повышение возможностей общества заостряет ситуацию, выводя ее на грань выживания и человечества, и всего мира.

Как известно, отчуждение как особый вариант развития базируется в своем классическом проявлении на трудовых отношениях и сочетает аксиологически нейтральное положение, связанное с закономерным процессом повышения индивидуальной обособленности людей, с аксиологически негативным разрушением личности. Первый из этих моментов (так называемое положительное отчуждение, опредмечивание) – это необходимость саморазвертывания сущностных сил человека, их реализации в качестве источника дополнительной социальной силы труда, содержания общественного богатства. Второй момент (отчуждения в узком смысле) – это усвоение обществом лишь части человеческого потенциала, которая выбирается случайно. Противоречия родовых сил разворачиваются в социальные конфликты и антагонизмы. И если внутренняя характеристика сил – их рационально-эмоциональная определенность, то внешняя – сочетание фундаментальной сущности

с актуальными вещественными и общественными формами и реализующимися социально-экономическими процессами. Структура четырех классических форм отчуждения может рассматриваться под углом зрения и фактической данности, и элемента исторического процесса – как соответствующие антиномии плодотворно исследовались еще И. Кантом – А. Смитом. Отчужденный труд – общественно разделенный, абстрактный, производительный, что обеспечивает в форме отчуждения взаимодействие и кооперацию людей. Во время этого: 1) труд принадлежит другому; 2) труд истощает, закрепощает. При отчуждении труда человек принадлежит не самому себе, а внешней среде, которая становится враждебной и угрожающей.

Последующая модификация отчуждения вызвана, во-первых, тем, что развитие предоставило возможность в классической среде, которая связывалась с капиталистическим проектом, преодолеть некоторые (включая наиболее острые) проявления отчужденности, создать условия для развертывания сущностных и функциональных качеств человека на производстве, и во-вторых, тем, что история стран, исповедовавших коммунистическую идеологию, привела не к успеху проекта освобождения труда, а к воспроизводству отчуждения. Впрочем, за ликвидацией лагеря реального социализма последовали и крах догм либерального капитализма, и демонстрация ограниченности потенциала религиозного фундаментализма. Комплекс отношений отчуждения формируется на материально-вещном, социально-материальном и социально-идеальном уровнях, фиксируя качество взаимореферентности объективных и субъективных феноменов и динамику ключевых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира. При этом отчуждение сохраняет значение развлекательного направления человека, не только преобразуя комплекс его сущностных сил, но и предоставляя возможности для социального и индивидуального творчества. В то же время в анализе феномена отчуждения повышается роль аксиологического подхода; причем высокая степень ценностно-ориентированной единства создается не в результате коммуникативной практики группы, а является следствием активной совместной групповой деятельности, имеет общественно полезный характер. Но именно в ходе повседневной деятельности каждая индивидуальность создает вещные формы рефлексии и настраивается на структуру бытия, личность приобретает целостность именно как социальная.

Рост структурирующего значения общества знаний акцентирует процессы духовного производства, обладающего рядом характерных отличий. Вместе с тем «взрыв знаний» не создает мира, свободного от опасностей. Напротив, становление постсовременного общества, тем более в сочетании с постсоветскими трендами может вызвать дополнительные осложнения, в том числе в сфере управления трудом. И особенно болезненно это может воспринять население постсоветских стран, привыкшее в прошлом к всеобъемлющей социальной заботе, патернализму и этатизму. Общество как целое сталкивается с новыми вызовами, которые требуют профессиональных ответов постиндустриального уровня. Трансформируется порядок подготовки и принятия решений. При этом люди, которые прежде всего ценят безопасность и лучше работают при наличии четких указаний будут испытывать дискомфорт, ненужность, невостребованность, нереализованность в постиндустриальном обществе. Таким образом, в восприятии перемен кардинально отличны подходы, жидущиеся на традиционной, модерной или постмодерной культуре и адекватном мировоззрении и представлениями о должном [11-17].

Появление в мировом масштабе когнитариата, непосредственно связанного с обществом знаний, дополнительно изме-

няет конфигурацию и значение составных частей комплекса отношений отчуждения [18-27]. Хозяйственные признаки нового этапа развития проявляются, например, в формировании беспрецедентной структуры потребления, когда в качестве основных предметов спроса все чаще выступает «духовная пища» и информация, а также средства их доставки, обработки и анализа. В экономической структуре приоритетное значение приобретает сфера услуг (в частности, информационных), а также индустрия досуга. К числу характерных особенностей новой мировой экономической модели следует отнести известную гуманизацию экономики. Причем даже страны, сумевшие на каком-то исторически ограниченном отрезке времени совершить модернизационный рывок и улучшить свое положение в системе международного разделения труда путем сокращения издержек, в частности – заработной платы, впоследствии были вынуждены кардинально пересматривать свое отношение к этому вопросу либо упускали позитивную динамику экономического роста. Тем более сложно рассчитывать на пристойное место национального хозяйства и долгосрочную конкурентоспособность отечественных фирм без качественного развития корпоративной организации отношений интеллектуальной деятельности в формируемом сегодня на базе экономики знания глобальном разделении труда.

Создание предпосылок интеллектуализации деятельности может существенно изменить привычные для индустриальных и доиндустриальных циклов трудовые иерархии отчуждения: во-первых, результаты производства больше зависят от применения инновационных идей, чем от физической силы, ловкости или выносливости; во-вторых, использование высоких технологий важнее, чем переработка сырья или дешевизна рабочей силы. Попытки же чрезмерной абсолютизации исполнительской деятельности, расходования мускульной энергии, – очевидные рудименты времен до научно-технической революции. Инновационный процесс, основанный на творческом подходе к работе, вообще требует инициативного, высококвалифицированного, высокомотивированного работника, которого систематически привлекают к принятию управленческих и технологических решений. Именно от состояния производственных отношений, позиции и поведения как интеллигенции, так и рабочей аристократии (их заинтересованности, результатов деятельности, вектора поисков) при становлении экономики знаний зависит будущее.

В то же время значительно повышается требовательность субъектов деятельности к условиям осуществления деятельности. В процессе трансформации особенно опасным является то обстоятельство, что именно состояние безразличия, отрешенности формирует прочные преграды не только проведению модернизации экономики, но и развитию (даже существованию) как человека, так и цивилизации [28-32]. Усилением в глобальных масштабах постиндустриальных черт производственных отношений, глобализацией международной экономики (в частности, конкурентных отношений) создаются объективные предпосылки для обеспечения постиндустриального уровня производственной демократии и развития представлений о социально ответственном поведении каждого. Дополнительное значение производственной демократии как направления снятия комплекса отчуждения и преодоления состояния безразличия работника связано также с сущностью производственной демократии как влиятельного средства борьбы с содержанием экономических отношений олигархата, основы их сохранения в сфере труда.

Постиндустриальные представления о производственной демократии и социально ответственном поведении, зижду-

щиеся на трансформациях трудовых отношений, кардинально меняют эффективные управленческие композиции, позволяя интегрировать продуктивные элементы, в частности, фордизма и постфордизма и перенося акценты на практики стимулирования деятельности [33-36]. На фоне этой ситуации постсовременные формы и механизмы производственной демократии – не только дополнительный организационный ресурс, но и безальтернативный способ достижения продуктивной согласия общества, формирования эффективного политического среды и смягчения комплекса отношений отчуждения. Вообще, экономическая демократия – необходимое условие демократии политической, а совершенствование производственных отношений – существенный, даже системообразующий, элемент экономической демократии. С одной стороны, необходимо использование производительных наработок Высокого Модерна, с другой, – преодоление кризисно-рецессивных явлений и переход к управленческо-организационным решениям уровня экономики знаний и инновационно-синергетических производственных циклов базируются на общей предпосылке: эффективное обеспечение хозяйственной устойчивости предусматривает тщательный учет (в частности, при организации структур производственной демократии) трансформации условий, нового баланса возможностей, опасностей и угроз, комбинаций слабых и сильных элементов и т.п. Так, переход к сочетанию в управленческих композициях элементов фордизма и постфордизма, свойственных организационно-управленческим формам индустриальной и постиндустриальной экономики, требует движения от управления на основе директивных указаний к стимулированию желательного поведения и соответствующих трансформаций (учетом динамики мотивирующих факторов). Это, в свою очередь, актуализирует моменты не только кросс-культурные, но и свойственные конкретным культурно-цивилизационным мирам (и, прежде всего, связанные с ценностно-смысловыми комплексами). В балансе возможностей и опасностей, которые актуализируются ассоциацией с Евросоюзом, одно из важнейших преимуществ связано с адаптацией опыта и использованием передовых форм производственной демократии, переформатированием управленческо-организационных отношений в сфере труда.

В ответ на запрос постсовременной производственной практики, целесообразно выделять: по степени участия – демократию промышленную (на одном предприятии) и экономическую (в отраслевом, региональном разрезе и в охвате всей экономике); по степени участия – соучастие (меньшинство представителей персонала в органах управления при совещательном характере полномочий), соуправление (равное представительство и право вето), самоуправление (все участники производства принимают участие в управлении); по форме участия – демократия прямая или косвенная, опосредованная. Целесообразно различать самоуправление в сфере собственности, производства и при решении социально-бытовых вопросов. В управлении собственностью производственная демократия выражается в определении профиля, ассортимента и масштабов производства, соотношения прибыли и себестоимости, формировании фондов, кадровых перемещениях, контроле за администрацией; в управлении производством – в форме участия в решении вопросов технологии контроля, обеспечение ритмичности, упорядочении внутривидовых материальных потоков, хранении ценностей, достижении трудовой дисциплины; в управлении социальной сферой – путем коррекции форм стимулирования, условий труда, экологических требований, в социально-бытовой сфере – благодаря участию в распределении жилья, возможностей использова-

ния ресурсов отдыха, здравоохранения, образования, детских учреждений и проч.

Выводы и предложения. 1. Модернизация страны требует не только масштабного финансового маневрирования, но и соответствующих *трансформаций в сфере труда*.

2. Прежде всего, снятие неимманентных форм отчуждения и реализация стратегии развития производственных отношений, связанное с уходом от *устаревших принципов фордизма*, является необходимостью организации системной работы в соответствии с трансформациями глобального масштаба.

3. Особое значение в этом контексте приобретает, *с одной стороны*, формирование общей хозяйственной среды, которая бы стимулировала развитие производственной демократии и социально ответственное поведение (духовное насыщение и интеллектуализацию производственных отношений, в частности), *с другой*, – акцентирование наиболее перспективных точек прорыва к становлению анклавов экономики знания.

4. Для *обеспечения постиндустриального совершенствования производственных отношений*, в частности, необходимо: опережающее развитие отраслей и производств новых технологических укладов; переброска средств в сферу преимущественно интеллектуальной деятельности; введение регуляторов ресурсосбережения и снижения цен (через налоговые льготы, кредитные рычаги), снижение техногенной нагрузки на окружающую среду и самого человека за счет поощрения широкого внедрения постсовременных форм и механизмов производственной демократии, осуществления социально ответственного поведения. Повышение эффективности социального управления производственными отношениями путем стимулирования целевых изменений требует отражения в государственных программах развития: дальнейшего совершенствования нормативно-законодательного поля производственных отношений; расширения постсовременных форм и механизмов производственной демократии (при решении внутрипроизводственных и сопутствующих вопросов); внедрения практики отбора перспективных мест передового развития производственных отношений (например, на базе бюджетно- и градообразующих производств, многоотраслевых конгломератов и формирования интегрированных бизнес-групп под государственным патронатом); возможностей опоры на региональные традиции и т.п.

5. Для повышения эффективности социального управления производственными отношениями при снятии неимманентных форм отчуждения целесообразно: *приоритетное развитие соответствующих организационных форм* (в частности, научно-образовательно-производственных кластеров), создание и финансирование на государственно-частных началах *единой информационной сети* по вопросам организации социального партнерства и развития производственных отношений внутри страны, распространение информации *о положительных примерах, путях и приемах развертывания постиндустриальной производственной демократии в стране и за рубежом, стимулирование предприятий (а также их администрации)*, успешно внедряющих социально ответственные модели производственной демократии и реализующих программы социально-психологического развития.

Осуществление научных разведок по данной теме предполагает, по нашему мнению, изучение условий осуществления государственно-частного партнерства и развития организационных форм социальной ответственности бизнеса под влиянием постсовременных трансформаций производственных отношений, потенциал которых должен быть подкреплен новым Трудовым кодексом.

Литература:

1. Мартынов В. Глобальный модерн: от микроэкономики к макрополитике // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 6. – С. 80-89.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Kurth J. Toward the Postmodern World // Dialogue. – 1993. – № 2. – P. 8-13.
4. Шедяков В.Е. Грезы дремлющей Европы // Бизнес Информ. – 1995. – № 13-14. – С. 8-10.
5. Платонов С. После коммунизма: Кн., не предназначенная для печати. – 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы. – М.: Мол. гв., 1991. – 555[5] с.
6. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). – М.: Культурная революция, 2009. – 680 с.
7. Проблема человека в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркса / [Под ред. Е.Я. Режабека и др.]. – Рн/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1977. – 172 с.
8. Шедяков В. Е. Человеческий фактор: раскрытие и развитие творческой активности в формах отчуждения // Нова парадигма. – 2014. – Вип.120. – С. 96-113.
9. Шедяков В.Е. Человеческий фактор трансформаций и трансформации человеческого фактора // Трансформационные процессы национальной экономики: проблемы и перспективы развития. – Днепропетровск, 2014. – Ч.2. – С. 204-214.
10. Шедяков В.С. «Людський капітал» і розвиток трудових відносин: взаємопереплетення внутрішніх і зовнішніх тенденцій // Новий формат стратегії і тактики соціально-економічного розвитку України: людина, громада, держава. – Ч. 3.11. – К.: Корпорація, 2005. – С. 371-380.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
12. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
13. Агг А. Мир человека как субъекта производства. – М.: Прогресс, 1984. – 199 с.
14. Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Маркса 1857–1859 годов) / [Редкол.: В.С. Выгодский и др.]. – М.: Политиздат, 1987. – 463 с.
15. Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса / Под ред. Н.А. Цаголова. – М.: Экономика, 1984. – 719 с.
16. Нарский И.С. Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. – М.: Мысль, 1983. – 144 с.
17. Маркс. Философия. Современность / [Под общ. ред. Т.И. Ойзермана]. – М.: Политиздат, 1988. – 414 с.
18. Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. – М.: Наука, 1990. – 132 с.
19. Шедяков В.С., Білінов О.А., Морозов П.Д. Удосконалення трудових відносин як основа стійкості та розвитку громадянського суспільства / [Заг. ред. П.Д. Морозова]. – К.: Задруга, 2014. – 320 с.
20. Шедяков В.Е. Человек в обществе отчужденного труда / В.Е. Шедяков. – Х.: Мрія, 1991. – 157 с.
21. Ткаченко И.Е., Шедяков В.Е. Отчуждение труда: история и современность // Экономические науки. – 1991. – № 6. – С. 138-140.
22. Шедяков В.Е. Социальность и социализация: роль культуры трудовых отношений в материально-экономическом преуспевании цивилизации // АНТРО. Анналы научной теории развития общества. – 2013. – № 1. – С. 79-103.
23. Шедяков В.С. Відчуження як форма соціалізації особистості // Сучасна українська політика. – 2012. – Спецвипуск: Інтеграційні процеси в сучасному світі: регіональні виміри. – С. 377-386.
24. Шедяков В.С. Зростання ролі духовного виробництва як чинник трансформаций відчуження праці // Економіст. – 2015. – № 4. – С. 23-28.
25. Шедяков В.С. Трансформації відчуження праці в контексті розвитку виробничої демократії // Формування ринкових відносин в Україні. – 2014. – № 10(161). – С. 152-159.
26. Шедяков В.С. Місце трудових відносин у відтворенні відчуження як форми економічної соціалізації особистості // Економічна теорія. – 2013. – № 2. – С. 46-56.

27. Шедяков В.Е. Человек и отчуждение труда в нашей стране / В.Е. Шедяков. – Деп. в ИНИОН АН СССР 27.03.91, № 44233. – Х., 1991. – 221 с.
28. Шедяков В.Е. Место социальной ответственности в обеспечении продуктивной основы реализации общественных интересов // Соціальна відповідальність влади, бізнесу і громадян : у 2-х т. – Д. : НГУ, 2014. – Т. 1. – С. 282-290.
29. Шедяков В.Є. Розвиток виробничої демократії і взаємозв'язок рівнів регулятивних можливостей, або Сила єдності – в різноманітті // Економіст. – 2014. – № 9(335). – С. 9-16 [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/8689-rozvitok-virobnichoyi-demokratyi-ta-vzayemozvyazok-rvnnv-regulyativnih-mozhливостей-abo-sila-yednost-v-rznomant.html>.
30. Шедяков В. Є. Розвиток виробничої демократії як чинник вдосконалення трудових відносин // Формування ринкових відносин в Україні. – 2014. – № 6. – С. 221-228.
31. Lazarenko V., Shedyakov V. Privatization, social partnership and competitiveness development within the Post-Soviet IR Transformations // Developing competitiveness and social justice: the interplay between institutions and social partners. – Proceedings of the IIRA 11th World Congress. – Forum 6: Looking into the Next Century: Social Dialogue and Democratic Development. The Rediscovery of Pluralist Industrial Relations. – Italy : Bologna, 1998. – P. 119-127.
32. Lazarenko V., Shedyakov V. Scientific-Intellectual Potential and Modernization of IR: Post-Soviet Conclusions & Perspectives // Current Research in Industrial Relations: Official Proceedings of the 10th AIRAANZ Conference. – Australia : Perth, 1996. – P. 265-269.
33. Шедяков В.Є. Стимулювання в системі управління працею на тлі формування в глобальному масштабі економіки знань // Економіка ХХІ сторіччя: проблеми та шляхи їх вирішення. – Д. : НГУ, 2014. – С. 379-388.
34. Социально-философский аспект активизации человеческого фактора / И.П. Абаплова, Л.Н. Атаян, В.Е. Шедяков [и др.] // К. Маркс и актуальные проблемы аграрной теории / [И.Б. Загайтов (отв. ред.)]. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – Гл. 2, п. 3. – С. 121-150.
35. Вильховниченко Э.Д. Постиндустриальные модели труда: социо-организационный прогресс на рубеже ХХІ века // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 3. – С. 56-65.
36. Hage J., Powers C.H. Post-Industrial Lives: roles and relationships in the 21st century. – London, New Delhi : SAGE Publications, Inc. – International Educational and Professional Publisher, 1992. – 248 p.

Шедяков В.Є. Відчуження праці у контексті створення передумов інтелектуалізації діяльності

Анотація. Формування передумов інтелектуалізації труда і розвитку сектора духовного виробництва розглядається як атрибут посилення в глобальному масштабі тенденцій до створення анклавів суспільства знань. На цьому фоні вивчаються трансформації відчуження праці. В якості найважливішого фактора комплексних змін виробничих відносин аналізуються постсучасний рівень виробничої демократії, розповсюдження соціально відповідальної поведінки.

Ключові слова: виробничі відносини, відчуження праці, інтелектуалізація діяльності, постсучасна виробнича демократія, соціально відповідальна поведінка, стимулювання праці.

Shedyakov V.E. Alienation of labour in the context of creating of intellectualization of activity's reasons

Summary. Formation of preconditions of intellectualization of labour and development of spiritual production sector is seen as an attribute of strengthening of the global trend to creation of the enclaves of a knowledge society. With this background, the transformation of alienation of labour is studied. Postmodern level of industrial democracy, the spreading of socially responsible behaviour are analysed as a major factor of complex changes in production relations.

Keywords: industrial relations, alienation of labour, intellectualization of activity, postmodern industrial democracy, socially responsible behaviour, stimulation of labour.